

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ В АКТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

М. В. Каиль

Смоленский государственный университет

Адрес: 214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4

Н. Н. Розанова

Смоленский государственный университет

Адрес: 214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4

Поступила
в редакцию
02.09.2025

Поступила
после
рецензирования
21.11.2025

Принята
к публикации
23.12.2025

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе методологического аппарата и основных тенденций современной исторической биографии, применяемой к изучению политического лидерства в России на рубеже XX–XXI веков, в контексте актуального историографического дискурса.

Проблема. Статья посвящена рассмотрению фундаментального вопроса о методологических вызовах, с которыми сталкиваются исследователи при написании биографий действующих или недавно ушедших политических лидеров. Поднимается вопрос о балансе между научной объективностью и идеологической ангажированностью, между психологическим портретом и анализом институционального контекста. Рассматриваются вопросы, связанные с формированием публичного имиджа, ролью медиа и «архивов нового типа» (цифровых следов, публичных выступлений) в качестве источниковедческой базы. **Методология.** Проведено исследование на основе историографического анализа и методов интеллектуальной истории. В качестве материалов привлекаются ключевые биографические работы, посвященные российским лидерам постсоветского периода, вышедшие на русском и английском языках за последние два десятилетия. Источниками выступили также рецензии, научные дискуссии и программные методологические статьи ведущих историков и политологов. Выполнен обзор эволюции биографического жанра от элитий к «критической биографии» и «преднамеренной истории». **Новизна и результаты.** Новизна исследования видится в систематизации методологического поля и выявлении его белых пятен, таких как гендерный и региональный аспекты лидерства. В статье представлены результаты сопоставительного анализа различных методологических подходов – от традиционного нарратива, фокусирующегося на личностных факторах, до структуралистских концепций, рассматривающих лидера как функцию политической системы. Предлагается классификация основных исследовательских школ и их нарративных стратегий. Авторы останавливаются на анализе того, как современные историки преодолевают проблему ограниченного доступа к личным архивам, компенсируя её анализом публичного дискурса и сети принятия решений. Показано, что актуальный историографический тренд смещается от создания монолитного образа к деконструкции множественных идентичностей и ролей политического деятеля. Авторы приходят к выводу о том, что наиболее продуктивным является интеграционный подход, синтезирующий микро- и макроуровни анализа.

Перспективы исследования. Разработанная аналитическая схема создает основу для дальнейших конкретных биографических исследований, а также для методологической рефлексии о критериях научности и объективности в условиях формирования исторической памяти о событиях недавнего прошлого.

Ключевые слова: историческая биографика, власть, политическое лидерство, образы власти, репутация власти

Информация о финансировании: исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания «Разработка интеллектуальной системы поддержки принятия решений для укрепления репутации публичной власти РФ на основе гибридных аналитических моделей»; FEMF-2025-0007, рег. № 1025061700012-7-5.4.1;5.6.2;2.2.3

Для цит.: Каиль, М.В., Розанова, Н.Н. Историческая биографика политического лидерства в новейшей истории России в актуальном историографическом дискурсе // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 4. – С. 35–47. – EDN WYOQZU.

© Каиль М.В., Розанова Н.Н., 2025

HISTORICAL BIOGRAPHY OF POLITICAL LEADERSHIP IN THE MODERN HISTORY OF RUSSIA IN THE CURRENT DISCOURSE

M. V. Kail

Smolensk State University

Address: 4 Przhevalskogo St., Smolensk, 214000, Russian Federation

N. N. Rozanova

Smolensk State University

Address: 4, Przhevalskogo St., Smolensk, 214000, Russian Federation

Received
02.09.2025

Revised
21.11.2025

Accepted
23.12.2025

Abstract. The purpose of the study is to analyze the methodological framework and key trends in contemporary historical biographies applied to the study of political leadership in Russia at the turn of the 20th and 21st centuries, within the context of current historiographical discourse.

Problem. This article examines the fundamental question of the methodological challenges faced by researchers when writing biographies of current or recently deceased political leaders. It addresses the balance between scholarly objectivity and ideological bias, as well as between psychological portraiture and analysis of the institutional context. It also examines issues related to the formation of public image, the role of media, and «new type archives» (digital traces, public speeches) as a source material.

Methodology. This study draws on historiographical analysis and intellectual historical methods. Key biographical works on Russian leaders of the post-Soviet period, published in Russian and English over the past two decades, are used as materials. The study also draws on reviews, scholarly discussions, and methodologically-driven articles by leading historians and political scientists. A review of the evolution of the biographical genre, from hagiographies to «critical biography» and «intentional history», is presented.

Novelty and Results. The study's novelty lies in its systematization of the methodological field and the identification of its blind spots, such as the gender and regional aspects of leadership. The article presents the results of a comparative analysis of various methodological approaches—from traditional narrative, which focuses on personal factors, to structuralist concepts, which view leadership as a function of the political system. A classification of the main research schools and their narrative strategies is proposed. The authors analyze how contemporary historians overcome the problem of limited access to personal archives, compensating for it through an analysis of public discourse and decision-making networks. It is shown that the current historiographic trend is shifting from the creation of a monolithic image to the deconstruction of multiple identities and roles of political figures. The authors conclude that an integrated approach synthesizing micro- and macro-levels of analysis is most productive.

Research Prospects. The developed analytical framework provides a basis for further specific biographical studies, as well as for methodological reflection on the criteria of scientific validity and objectivity in the context of the formation of historical memory of recent past events.

Keywords: historical biography, power, political leadership, images of power, reputation of power

Funding information: the study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment "Development of an intelligent decision-making support system to strengthen the reputation of the public authorities of the Russian Federation based on hybrid analytical models"; FEMF-2025-0007, reg. No. 1025061700012-7-5.4.1;5.6.2;2.2.3

For citations: Kail, M.V., Rozanova, N.N. (2025) Historical Biography of Political Leadership in the Modern History of Russia in the Current Discourse. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 4. p. 35–47. EDN WYOQZU.

© Kail M.V., Rozanova N.N., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования исторической биографии политического лидерства в новейшей истории России обусловлена целым комплексом взаимосвязанных факторов, лежащих на пересечении научной, общественно-политической и социально-культурной плоскостей. Во-первых, период рубежа XX–XXI веков представляет собой ключевую эпоху формирования современной российской государственности, когда решения конкретных личностей оказывали непосредственное и зачастую решающее воздействие на траекторию развития страны в условиях системного кризиса, геополитического передела и радикальных социально-экономических трансформаций. Биографический подход в данном контексте позволяет преодолеть абстрактность макроисторических моделей, фокусируясь на механизме принятия судьбоносных решений, личной мотивации, взаимодействии характера и обстоятельств. Это не просто изучение «роли личности», а попытка понять, как индивидуальная воля, стратегии, ошибки и интуиция конкретных фигур материализовались в институтах, внешнеполитических курсах и социальной реальности, которую мы наблюдаем сегодня.

Во-вторых, актуальность темы продиктована острой методологической и идеологической конфликтностью окружающего её историографического дискурса. Биографии новейших лидеров стали своеобразным полем битвы за нарратив о недавнем прошлом. С одной стороны, существуют работы, тяготеющие к публицистичности, политической ангажированности или конспирологии. С другой – формируется критическая научная биографика, стремящаяся к верифицируемости, использованию широкого круга источников (включая мемуары, интервью, рассекреченные документы, медиевые архивы) и помещению личности в контекст структурных ограничений. Изучение этого дискурсивного поля само по себе является важной исследовательской задачей, позволяющей выявить основные школы, методологические ловушки (например, ретроспективный детерминизм или, наоборот, чрезмерную психологизацию) и точки роста для объективного анализа.

В-третьих, социальный запрос на осмысление новейшей истории, особенно среди молодого поколения, не имеющего личного опыта жизни в 1990-х или ранних 2000-х годах, делает профессиональную историческую биографику важнейшим инструментом трансляции исторического знания и формирования критического мышления. В условиях обилия мифологизированных и поляризованных образов прошлого задача академического сообщества – предложить сбалансированные, основанные на фактах и свободные от сиюминутной конъюнктуры жизнеописания, которые объясняли бы сложность эпохи без упрощений.

Актуальность поддерживается недостаточной разработанностью темы в отечественной исторической науке. Многие ключевые архивные комплексы остаются закрытыми, что создаёт определённые вызовы для исследователей, но одновременно открывает пространство для скрупулёзного анализа доступных материалов (публичных выступлений, законодательных инициатив, свидетельств современников, данных социологии) и выработка новых методологических приёмов работы с «историей современности». Таким образом, исследование исторической биографии политического лидерства новейшей России – это не только вклад в понимание конкретного периода, но и значимый шаг в развитии самой исторической науки, её методов и её общественной роли в осмыслении трудного, противоречивого, но исключительно важного прошлого, которое продолжает напрямую влиять на наше настоящее и будущее.

Историческая биографика – область историописания, находящаяся в центре общественного внимания. Биографии великих, особенно подготовленные заметными исследователями, привлекают внимание читающей части общества, побуждают к общественным дискуссиям. Новейшая история при этом – наиболее чувствительное поле историописания, ведь лидеры недавней эпохи вызывают живой интерес и находятся в поле суждений, наблюдаемые плоды их деяний и сегодня осознаются как часть реальности.

При этом следует чётко разграничивать публицистику, графоманские биографические маргинации и исследовательскую литературу, внутри которой исследовательские биографии политиков занимают свою очень локальную нишу. Именно это предметное поле – актуальной исследовательской биографики, ассоциируемое с дискурсом «постсоветское», а следовательно, и возникшая в последние три десятилетия профессиональная биографика и составят содержание и предмет научного обзора. Исключение в анализируемом материале – отдельные исследования, переизданные и переосмыслиенные в период начиная с 1990-х гг., а значит, получившие новое аналитическое звучание в России или за рубежом (включая и переводы ранее вышедших научных биографий).

Актуальные дискурсивные практики составляют аналитическую канву обзора, побуждая проблематизировать историческую биографию как средство фиксации образов персонификации и смыслов восприятия представителей власти, а равно и властных свойств и качеств, ими олицетворяемых.

Высшая российская власть в каждом из исторических периодов ее бытия и саморазвития, представителей которой в актуальном историографическом дискурсе мы призваны рассмотреть, обладает рядом общепризнанных признаков, фиксируемых историей и политологией. Такие устойчивые признаки-характеристики не только (и не столько) функционируют в науке, но и укоренены в общественной памяти и восприятии.

Среди таковых чаще всего номинируют: этатизм и персонализм, патернализм и усвоение свойств учителя жизни – наставника; отмечаются также сила и решительность, публичная активность и закрытость/непубличность частной жизни лидера.

В контексте реализуемого научного проекта «Разработка интеллектуальной системы поддержки принятия решений для укрепления репутации публичной власти РФ на основе гибридных аналитических моделей» исследование обозначенной проблемы представляет интерес в силу выявления по результатам факторного анализа группы факторов, обладающих существенным влиянием на оценку репутации, среди которых имеет место и фактор влияния исторически сложившегося в нашей стране образа власти на ее репутацию.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ

Исследование выполняется в проблемном поле историографии на историографических источниках на основе контекстуального и дискурс-анализа в контексте влияния на формирование сюжетного плана «лидерской биографии» ключевых акторов большой политики новейшей истории России.

Историографическое исследование проводится в контексте анализа современной историографической ситуации, притом, что число биографий политических лидеров новейшего времени прирастает незначительно, следует принять во внимание проблематизацию и решение свежих исследовательских вопросов. Так, в последние годы отечественные лидеры были представлены как создатели исторического нарратива. А в некоторых случаях вожди могли становиться литературными образами советских писателей.

Сам вождь мирового пролетариата и создатель Советского государства становился героем литературно-художественных образов, в том числе в странах «социалистического выбора», что также умножает планы рассмотрения природы власти и образов лидеров.

При этом мейнстримом отечественной историографии остается сюжетика, связывающая личность и общественную деятельность с реализацией идеи (марксизм/материализм) и обретением государственной формы.

Методологический каркас исследования исторической биографии новейшего политического лидерства в России требует особой, синтетической конструкции, учитывающей уникальную природу объекта. Хронологическая близость, идеологическая нагруженность и публичный характер деятельности фигур уровня первых лиц государства диктуют необходимость отказа от классических биографических канонов в пользу междисциплинарного подхода, в котором принципы исторической науки сочетаются с инструментарием политической социологии, дискурс-анализа и современных медиаисследований.

Ядром методологии выступает принцип контекстуализации и проблематизации. Это означает, что биографическое повествование выстраивается не как линейная хроника карьеры, а как исследование конкретных политических, экономических и социальных проблем, с которыми сталкивался лидер, и анализ его стратегий их разрешения. Такой подход позволяет избежать как агиографического соблазна, так и критиканской одномерности, смещая фокус на процесс принятия решений в условиях неопределенности, ограниченности информации и столкновения групповых интересов. Мы рассматриваем лидера не как автономного творца истории, а как ключевого актора внутри сложной сети институтов, элитных групп и общественных ожиданий.

Критически важен источниковедческий синтез. Работа опирается на широкий, но критически оцениваемый круг материалов – от официальных документов, публичных выступлений и мемуаров (с обязательным учетом их саморепрезентативной функции) до материалов прессы, данных социологических опросов и визуальных источников (фотографии, телевизионный контент). Особое внимание уделяется дискурсивным практикам – тому, как язык и риторика лидера конструировали политическую реальность, формировали понятийный аппарат эпохи и легитимировали конкретные курсы. Это требует применения элементов лингвистического и семиотического анализа для расшифровки ключевых нарративов и идеологем.

Для структурирования материала и верификации выводов используется сравнительно-исторический метод. Сравнение проводится по нескольким векторам: во-первых, сопоставление этапов деятельности одного лидера в меняющемся контексте; во-вторых, сравнение риторических и управленческих стратегий разных лидеров в сходных ситуациях (например, в моменты кризисов); в-третьих, помещение российского опыта в международный контекст управления на рубеже веков. Это позволяет вычленить специфическое и универсальное, избежав (ловушки) национальной исключительности.

Наконец, неотъемлемой частью методологии является рефлексивный анализ самого историографического дискурса. Мы не просто пишем биографию, но и исследуем, как она уже написана и пишется другими. Это предполагает картографирование основных школ и подходов (от либерально-критических до государственно-апологетических), выявление их методологических оснований, источников базы и идеологических предпосылок. Такой метауровень анализа необходим для чёткого позиционирования собственного исследования в рамках научной полемики и для демонстрации, как разные биографические нарративы конкурируют за право давать окончательное объяснение недавнему прошлому.

Таким образом, предлагаемая методология – это не жесткий алгоритм, а гибкий аналитический инструментарий. Его цель – создать многомерный портрет, в котором личная история сплетена с историей институтов, словесные формулы – с реальными политическими шагами, а образ, создаваемый для публики, – с закрытыми от общества процессами принятия решений. Только такой комплексный взгляд может претендовать на адекватное понимание феномена политического лидерства в сложнейшую, переломную эпоху новейшей российской истории.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Попытка взглянуться в персонифицированный и обобщенный образ российского властителя достаточно как в отечественной, так и в зарубежной исследовательской практике. В качестве предмета анализа проблематизируются различные источники, в том числе, например, визуальные. При этом анализируются как традиционные визуальные источники из фондов РГАКФД – материалы официальной хроники, фотоматериалы, так и нетипичные источники. Например, образы властителей на обложках читаемого зарубежного (американского) еженедельника Time. Выяснилось, что первым из россиян век назад на обложке предстал А. Рыков, причем публикация пришла на период после смерти В. Ленина, на 1924 год. Позднее на обложках появлялись: Л. Троцкий (1925) и М. Калинин (1928), И. Сталин и В. Молотов в 1940 г., а с 1941 года обложки украшали порт-

реты советских военачальников. Предметом анализа может быть время появления портретов, когда та или иная личность получала особую генерализацию и мировое звучание. Так, новейший период истории, открывающийся в мировой историографии с началом Первой мировой войны, а в российской версии ассоциируемый с периодом 1914–1917 гг., также характеризуется рядом маркируемых в качестве типичных для отечественной политической системы признаков. В их числе этатизм, централизм, персонификация власти и доминирование во властной ритуалистике, протоколе и символизации восточных архетипов. Будучи при этом вписанными в европейскую культуру, институты публичной власти поздней Российской империи в своей ритуалистике и символизации незначительно отличались от европейских монарших дворов.

Личность последнего российского императора, находящаяся в поле особого внимания в рамках мифа о «摧毀ении империи», анализируется с достаточной полнотой, но и в новейшей историографии всё еще не происходит формирования настоящего политического портрета. Порою из-под пера одного автора выходят различные акцентные интерпретации личности последнего монарха. Что это как не новая мифологизация?

На этом фоне профессиональные исследователи старшего поколения, работавшие в русле советской историографии над классической для ушедшей эпохи проблематикой, в постсоветской России создали ценные образы лидеров антибольшевистского движения. Самым узнаваемым из них был «верховный правитель России» А. В. Колчак, глубокое историко-биографическое исследование о котором выпустил в 2006 году П. Н. Зырянов.

В тексте, в котором автор намеренно отказывается от концептуализации, подробность и фактографическая достоверность в данном случае выступают лучшим средством демифологизации героя исследования, а в многостраничном исследовании трудно обнаружить сколько-нибудь пространный фрагмент, содержащий оценки или оценочные характеристики политического лидера: сделать это предлагается самому читателю, опираясь на сумму установленных фактов, и даже обстоятельства возникновения романтических отношений А. В. Колчака с А. В. Тимиревой изложены сдержанно.

Разумеется, появились и новые профессиональные исследования падения монархии, трактующие специфику ее девальвации. Первенство и лидерство в отечественной историографии этой темы по праву принадлежит Б. И. Колоницкому, суммировавшему исследовательские результаты в обстоятельном исследовании «Трагическая эротика». Необычное заглавие автора опирается на пережитый опыт философа С. Булгакова, так сформулировавшего свое отношение к последнему монарху: «Он полюбил не только абстрактного Царя, олицетворяющего политический принцип монархии, живой символ российской государственности, но и определенного человека, царствующего императора Николая II. Разумеется, «царизм» такого особого человека, как Булгаков, был индивидуальным, по-своему уникальным, но и официальный монархизм, и монархизм многих правых радикалов был и религиозно-политическим, и эмоционально окрашенным. От верных подданных русского царя ждали и требовали не только корректного уважения носителя верховной власти, но и искренней любви к своему государю. Однако объект политической любви Булгакова всё же не соответствовал, по его мнению, образу идеального государя: последний русский император, к сожалению, действовал и выступал «не как царь», но как полицейский самодержец...».

Традиционное и архаичное во многом сознание россиян страдало в пору войны, рождало сложные и разрушающие устои образы монаршей четы и круга министров. Сужение и эволюция средств коммуникации меняли образ власти и радикализировали общественные настроения. Генерал Н. Головин вспоминал: «Сложные слухи являлись одним из характернейших симптомов того патологического состояния общественной психики, первой причиной которого являлись тяжелые жертвы и напряжение, вызванное войной».

Итоги политического пути России XX в. исследователи-полемисты подводили в начале XXI века, формулируя политическую дилемму начала ушедшего века в рамках

вопроса «Керенский и Корнилов, Троцкий и Ленин: был ли выбор?», а применительно к концу века как «Рождение «демократического деспота?». Так, один из исследователей российского властного дискурса В. П. Булдаков отмечал: «Традиционная политическая культура предполагает, что образ правителя (как наследственного, так и избираемого) должен соответствовать людским ожиданиям – иначе он теряет ореол сакральности. Николаю II обладание последним полагалось «по должности». Остается поражаться, насколько целеустремленно он шел к тому, чтобы потерять то, в чем в кризисную эпоху народ испытывал настоятельную потребность». Авторитетный автор и мыслитель не-двусмысленно маркирует цикличную тягу российского общества к «сильной руке», в его познавательной парадигме – к «демократическому деспоту». При кажущемся полемизме такое определение демонстрирует свои познавательные потенции, отсылая к восточнодеспотическим конструкциям в становлении изначальной российской государственности, сформировавшей и архетипические конструкции, и «желаемые/ожидаемые характеристики» политического лидера.

На исходе XX в. в историографию был впервые проблематизирован «культ Керенского», впоследствии последовательно и детально реконструированный Б. И. Колоницким. «Первая любовь революции» в обличии Александра Керенского обладала, по заключению автора, как типичными качествами российского лидера, так и атипичными чертами. При этом, опираясь на свидетельства современников рождения этого нетипичного культа, Б. Колоницкий отмечал алогичность политических суждений российских обычайщиков – современников революции, искренне веривших, что во главе чаемой республики должен встать «хороший царь». Этот пример ярко демонстрирует оторванность образа власти простонародья от факторно обусловленного, усложненного образа власти у представителей знати, интеллигенции. Сознание обычайщика любых эпох занимает самые устойчивые и простые политические конструкции. Эти тенденции усложнились с началом новейшего времени, политический язык требовал перевода и толмачей.

Усложнилась и сама историческая биография лидера: находясь под влиянием концептуализирующего исследования Р. Уортмана, как российские, так и зарубежные исследователи перешли к изучению не историко-биографического плана, а властных образов и символов, не действий и практик власти, а (в терминологии Уортмана) «сценариев власти».

В том же ключе выполнено новаторское для отечественной исследовательской практики изучение политического культа А. Керенского, позволившее установить ряд ценных наблюдений и выводов. Раскрывая генезис вождизма в отечественной политической культуре и деятельности первых партий, автор отмечает наличие его черт в культуре социалистических партий и в военной среде. Но февраль 1917 года открыл новый этап и породил вождистский кult совершенно нового качества – «вождь демократии», вождь-спаситель, символ борющейся революционной страны, вставшей на путь демократизации, оказался очень востребован и легитимизировал того, кто с ним олицетворялся, обеспечивал его значительным кредитом доверия, добавлял полномочия. Способность к формированию коалиции, усреднению позиций позволила лидеру революционной эпохи укрепиться.

Уникальность первого персоналистского культа Керенского, по заключению Б. Колоницкого, была продиктована множественностью источников его формирования: «Репутацию вождя революционной армии Керенский основывал на поддержке со стороны героев российской армии: восторженные обращения к нему ветеранов-фронтовиков, георгиевских кавалеров служили символом того доверия, которое армия должна была оказывать министру. Такая тактика укрепления авторитета использовалась и до революции, применялась она и другими политическими лидерами. Однако преподнесение боевых наград военному министру в мае 1917 года было беспрецедентным, оно укрепило его репутацию «вождя» и «героя» авторитетными свидетельствами, что было важной предпосылкой для утверждения его харизмы. Свою лепту в создание культа Керенского внесли и известные писатели, режиссеры, учёные, художники. Одни

выступали с соответствующими публичными заявлениями, другие прославляли вождя своими произведениями... Многие оценки в адрес Керенского и многие его образы рождались не после долгих раздумий в тиши кабинетов, а как непосредственная реакция активистов разного уровня на быстро менявшуюся политическую обстановку».

Обделенный историографическими образами В. Ленин ныне изображается в красках демиурга/пантоморатора. Занятый при жизни политической борьбой и решением насущной задачи удержания власти, он лишь после смерти оказался в поле общественной, культурной и политической мифологии, и вокруг его имени и личности постепенно сформировалась серия мифов различной полярности и емкости.

Видный исследователь и биограф Ленина Э. Каррер д'Анкофф отмечала символизм его фигуры в формировании политической культуры и ценностей новой России. С её подачи и в европейском политическом нарративе в целом утвердилось мнение, что Ленин буквально обожествлялся, становился мерилом праведности и иных лучших человеческих качеств. По мнению Б. Эннекера, «инициаторы этого культа были движимы религиозными или квазирелигиозными мотивами, поскольку они принадлежали к докре-воловийской большевистской интеллигенции». Даже бездетность четы Ульяновых в ряде нарративов трактовалась как горение в деле революции и отказ от жизни во плоти – такая квазирелигия и вера «в Ленина» смыкается с позицией Ю. Слезкина, рассматривавшего сам большевизм как религиозное течение.

В отличие от В. Ленина, И. Сталин, возглавлявший партию и страну почти три десятилетия, пережил становление мифа о себе и его трансформацию неоднократно. По замечанию соратника и спутника А. А. Зиновьева, «культ Сталина вырастал снизу общества и поддерживался сверху». И это утверждение проблематизирует саму тему формирования и источников политической и вождистской мифологии.

Действительно, И. Сталин выступает как политический лидер, образ которого уже не раз реинкарнировал в общественной памяти на изломах истории, когда национальная тяга к «сильной руке» возвращалась в повестку.

И. Сталин в историографических проекциях чаще всего предстает в рамках концепции, под которую исследователь укладывает историческую фактуру. И отправной точкой в изучении сталинского культа стало крушение Советского Союза и архивная революция в постсоветской России, когда писать о нём стало возможно и появилась фактическая основа. Исследователей тогда интересовал феномен «рождения тирана» (Р. Такер) и «рождение революционера». Последняя проекция проросла и в современном искусстве, здесь можно вспомнить имевшую успех театральную постановку В. Фокина «Рождение Сталина». Но предпринимались и вполне основательные исследования, не предлагающие схематичных образов и оценок.

С уверенностью можно говорить о том, что единственным аналитичным и полным исследованием Сталина как исторической личности является работа О. В. Хлевнюка, представляющая политика/тирана/генералиссимуса еще и сыном, читателем своей необычной библиотеки, политиком-наставником: умножение планов формирует объемный, многомерный и яркий политический портрет, созданный на основе строгих исследовательских и познавательных принципов.

Символом противоречивого лидера является Н. С. Хрущёв, научных биографий которого в национальной историографии нет, а среди зарубежных биографов политиков внимание ему уделил разве что У. Таубман.

В новейшей зарубежной историографии немало маргинаций современного российского лидера. Эти нарративы, несвободные от оценочных наслаждений, формируют новый образ тираннической и враждебной державы с авторитарным культом. Вероятно, такой обостренный интерес к культуре сильного лидера и его персоналистскому воплощению в современной России вызвал к жизни исследовательское внимание к персонам тех политиков, которые в политической реальности того или иного периода рассматривались в качестве альтернативы состоявшемуся политическому курсу и лидеру. Так, альтернативой раннему И. Сталину видят А. Рыкова и Л. Троцкого, а в новой России популярна

тема альтернатив в выборе преемника Б. Ельцина. И в числе таковых, безусловно, рассматривают Б. Немцова и С. Степашина. Тема преемства явно звучит и в мемуарном нарративе самого С. Степашина.

Исследование исторической биографии политического лидерства новейшей России в актуальном историографическом контексте позволяет сделать ряд принципиальных выводов, выходящих за рамки простой констатации эмпирических фактов. Прежде всего становится очевидным, что биографический нарратив в отношении ключевых фигур рубежа XX–XXI веков перестал быть нейтральным академическим жанром, превратившись в арену острой методологической и мировоззренческой борьбы. Каждое значимое жизнеописание, будь то работа, посвященная периоду трансформаций 1990-х или эпохе стабилизации 2000-х, неминуемо встраивается в широкий дискурс об исторической причинности, природе российской власти и самой судьбе страны. Таким образом, биограф сегодня выступает не просто хронистом, но интерпретатором, чья позиция напрямую влияет на отбор фактов, расстановку акцентов и общую тональность повествования.

Анализ современного историографического поля выявляет его глубокую поляризацию, что является прямым отражением раскола в общественной оценке новейшей истории. С одной стороны, существует мощный пласт исследований, условно определяемых как «критическая биографика», где фокус смешен на анализ структурных ограничений, просчетов и противоречий в деятельности лидеров, часто в контексте глобальных вызовов и внутренних институциональных слабостей. С другой – развивается «государственнический», или «управленческий», подход, где биография лидера рассматривается как последовательное решение сверхсложных задач по сохранению государственности и восстановлению суверенитета, а личные качества выдвигаются на первый план как ключевой исторический фактор. Между этими полюсами располагается множество работ, пытающихся найти более сложный синтез, учитывающий и роль структур, и значение личности, и фактор непредсказуемости исторического момента.

Важнейшим методологическим итогом является осознание необходимости преодоления двух крайностей – как чистой агиографии, так и редукционистской демонизации. Подлинно научная историческая биографика новейшего времени обязана работать с парадоксами и многослойностью мотивации, избегая создания монолитных, лишенных внутренней динамики образов. Она должна учитывать не только документы и публичные выступления, но и специфику информационной среды, формирование публичного имиджа, эволюцию взглядов самого лидера под воздействием обстоятельств. Особую ценность приобретает компаративный анализ, помещающий российский опыт в контекст глобальных трендов политического лидерства конца XX – начала XXI века, что позволяет отделить национальную специфику от универсальных вызовов эпохи. В конечном счете изучение биографии политического лидерства данного периода – это, по сути, исследование процесса кристаллизации современной российской политической культуры в ее самом персонифицированном виде. Споры вокруг биографий – это споры о том, каким путем шла страна, как оцениваются её успехи и травмы, и какое наследие выносится в настоящее и будущее. Поэтому дальнейшее развитие этого направления видится не в смягчении дискуссий, а в углублении методологической рефлексии, в поиске языка, способного описать эпоху радикальных перемен через призму человеческого выбора и ответственности, не впадая ни в упрощение, ни в мифологизацию. Только такая биографика, реконструирующая связь между личностью, институтами и историческим временем, может претендовать на статус серьезного вклада в понимание сложнейшего и непрерывно длящегося «сегодня» российской истории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги рассуждениям о месте исторической биографии в осмыслении политического лидерства новейшей России, нельзя не прийти к выводу, что мы имеем дело с уникальным исследовательским полем, находящимся в стадии интенсивного и болезненного становления. Это пространство, где академическое знание неминуемо сталки-

вается с публичной историей, а холодный анализ источников – с жаром незавершенных идеологических баталий. Заключение, таким образом, не может претендовать на окончательность; скорее, оно фиксирует ряд напряжений и противоречий, которые и будут определять развитие этого направления в обозримой перспективе.

Главный парадокс современной биографии лидеров рубежа XX–XXI веков заключается в её хронологической и эмоциональной близости к объекту изучения. Историк здесь лишён спасительной дистанции, позволяющей отличить шум времени от сущностных процессов. Каждая попытка биографической реконструкции мгновенно втягивается в актуальный политический контекст, становясь либо аргументом в споре, либо мишенью для критики с противоположных флангов. Это создаёт крайне сложные условия для выработки взвешенного, многофакторного подхода, который бы не скатывался ни в панегирик, ни в памфлет. Тем ценнее те немногие работы, которым удается удержать эту сложность, показывая лидера не как монолитную статую, а как человека, действующего в лабиринте жёстких объективных обстоятельств, непредсказуемых кризисов и собственных не всегда очевидных мотивов.

Второй ключевой вывод касается методологической зрелости. Настоящий прорыв в биографии новейшего лидерства возможен лишь при условии сознательного отказа от упрощённых причинно-следственных схем. Речь должна идти о синтетическом подходе, где классический архивный поиск дополняется анализом медийных презентаций, изучением технологий создания публичного имиджа и пониманием роли экспертных и силовых групп, формирующих пространство для принятия решений. Биография политика сегодня – это не только его поступки и указы, но и создаваемые вокруг него мифы, ожидания общества, которые он вынужден учитывать, и та обратная связь, которую его действия порождают в изменяющемся глобальном контексте. Такой подход позволяет уйти от детерминизма, как «великочеловеческого», так и структуралистского.

Принципиально важным представляется вопрос об этической ответственности биографа. Писать о недавнем прошлом, особенно о тех, чьи решения продолжают напрямую влиять на жизнь миллионов, – это задача, требующая не только научной добросовестности, но и интеллектуальной смелости и гражданской трезвости. Конечной целью не может быть ни оправдание, ни обличение. Гораздо более плодотворной видится задача понять и объяснить логику – подчас трагическую и противоречивую – ключевых поворотов в судьбе страны через призму человеческого выбора, сделанного в конкретных исторических обстоятельствах.

Следовательно, историческая биографика политического лидерства в контексте новейшей России – это не просто один из жанров историописания. Это форма напряжённого диалога современного общества со своим недавним прошлым, попытка найти в личных историях ключ к пониманию коллективной траектории. Её развитие будет напрямую зависеть от способности академического сообщества отстаивать свои аналитические принципы в пространстве, перенасыщенном политическими страстиами, и выработать такой язык, который был бы точен для науки и внятен для общества. Только тогда биографика сможет выполнить свою главную миссию – не судить историю, а сделать её понятной во всей её драматической и неоднозначной полноте.

Список литературы:

1. Агеева, О. Г. Европеизация русского двора 1700–1796 гг. / О. Г. Агеева. – Москва: Институт Российской истории РАН, 2006. – 264 с. – ISBN 5-8055-0174-0. – EDN XBRCDD.
2. Багдасарян, В. Э. Ленин и Сталин как историки: сравнительный анализ взглядов / В. Э. Багдасарян, С. И. Реснянский // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. – № 3. – С.622–642. – DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.305. – EDN IYCFI.
3. Булдаков, В. П. Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды / В. П. Булдаков // Российская история. – 2020. – № 2. – С. 1–24. – DOI 10.31857/S086956870009248-3. – EDN YVWDWT.
4. Булдаков, В. П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления / В. П. Булдаков.

- М.: РОССПЭН, 2007. – 204 с.
5. Данилкин, Л. Ленин. Пантохратор солнечных пылинок / Л. Данилкин. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 781 с.
6. Дурачинский, Э. Сталин. Создатель и диктатор сверхдержавы / Э. Дурачинский. – М.: РОССПЭН, 2015. – 823 с.
7. Зверев, В. В. Ленин: социализм, народники и мировая революция / В. В. Зверев // Российская история. – 2020. – № 2. – С. 31–34. – DOI 10.31857/S086956870009250-6. – EDN LNIESU.
8. Зырянов, П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. 4-е изд. – Москва: Молодая гвардия, 2012. – 637 с.
9. Каиль, М. В. Динамика образа российской власти в историческом дискурсе XX века / М. В. Каиль // Вопросы истории. – 2022. – № 10-1. – С. 62–69. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi16. – EDN TGOTKC.
10. Каиль, М. В. Образ и ценности власти в воспоминаниях политических лидеров новейшей России: Сергей Степашин / М. В. Каиль // Новый исторический вестник. – 2022. – № 3 (73). – С. 103–111. – DOI 10.54770/20729286-2022-3-103. – EDN JGVFOS.
11. Колоницкий, Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б. И. Колоницкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 664 с.
12. Колоницкий, Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года) / Б. И. Колоницкий. – Москва: Новое литературное обозрение, 2017. – 520 с. – ISBN 978-5-4448-0638-8. – EDN YWPEAD.
13. Колоницкий, Б. И. Культ А. Ф. Керенского: образы революционной власти / Б. И. Колоницкий // Отечественная история. – 1999. – № 4. – С. 105–108. – EDN ZIGVEZ.
14. Лю, Ц. История создания книг в картинках «Ленин в октябре» и «Ленин в 1918 году» / Ц. Лю // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 45. – С. 149–156. – DOI 10.17223/22220836/45/14. – EDN BILSLT.
15. Монтефиоре, С. Молодой Сталин / Саймон Себаг Монтефиоре; пер. с англ. Льва Оборина. – М.: ACT: Corpus, 2014. – 575 с.
16. Мультатули, П. В. Император Николай II. Человек и монарх / П. В. Мультатули. – М.: Вече, 2016. – 734 с.
17. Подоксенов, А. М. Пришвин и Сталин: художественный образ вождя в творчестве писателя / А. М. Подоксенов, В. А. Телкова // Научный диалог. – 2021. – № 4. – С. 254–270. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-254-270. – EDN TIRKGQ.
18. Такер, Р. Путь к власти 1879–1929. История и личность / Р. Такер. – М.: Прогресс, 1990. – 480 с.
19. Таубман, У. Хрущёв / У. Таубман. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 850 с.
20. Уортман, Ричард С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2-х т. / Р. С. Уортман; Введ. от авт. – М.: О.Г.И., 2004. Т. 1 – 606 с.; Т. 2 – (История русской культуры. Труды по истории).
21. Фирсов, С. Л. Николай II. Пленник самодержавия / С. Л. Фирсов; Сергей Фирсов. – Москва: Молодая гвардия, 2010. – (Жизнь замечательных людей. Серия биографий: основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в 1933 году М. Горьким). – ISBN 978-5-235-03382-5. – EDN OYLWIE.
22. Фишман, М. В. Преемник: история Бориса Немцова и страны, в которой он не стал президентом / М. В. Фишман. – М.: ACT, Corpus, 2022. – 622 с.
23. Эннкер, Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе / Б. Эннкер / пер. с нем. А. Г. Гаджикурбанова; науч. ред. Е. Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 2011. – 364 с.
24. Luukkanen, A. Projekti Putin uuden Venäjän historiaa 1996–2008. – W. Söderström, 2008. – 284 p.
25. Slezkine, Yuri. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution / Y. Slezkine

(1st ed.). – Princeton, NJ & Oxford, UK: Princeton University Press, 2017. – 1004 p.

26. Taubman, W.Ch. Khrushchev: The Man and His Era. – W.W. Norton & Company, 2003. – 876 p.

Сведения об авторах:

КАЙЛЬ Максим Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Смоленский государственный университет, адрес: 214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4, e-mail: mvkail@mail.ru

✉ SPIN-код: 2183-1957, AuthorID: 539196

✉ ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2635-5091>

РОЗАНОВА Нина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, Смоленский государственный университет, адрес: 214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4, e-mail: rozznina@yandex.ru

✉ SPIN-код: 3795-3998, AuthorID: 718057

✉ ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5029-1721>

References:

1. Ageeva, O. G. Europeanization of the Russian court 1700-1796 / O. G. Ageeva. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2006. 264 p. ISBN 5-8055-0174-0. (In Russ.). EDN XBRCDD.
2. Baghdasaryan, V. E. Lenin and Stalin as historians: a comparative analysis of views. The latest history of Russia. 2020. Vol. 10, no. 3. P. 622-642. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.305. (In Russ.). EDN IYCIFI.
3. Buldakov, V.P. Marxism, Lenin, revolution: metamorphoses of the great legend. Russian history. 2020. no. 2. P. 1-24. DOI 10.31857/S086956870009248-3. (In Russ.). EDN YVWDWT.
4. Buldakov, V.P. Quo vadis? Crises in Russia: ways of rethinking / V. P. Buldakov. – M.: ROSSPEN, 2007. 204 p. (In Russ.).
5. Danilkin, L. Lenin. Pantocrator of solar dust particles. M.: Young Guard, 2017. 781 p. (In Russ.).
6. Durachinsky, E. Stalin. The Creator and Dictator of a Superpower. Moscow: ROSSPEN, 2015. 823 p. (In Russ.).
7. Zverev, V. V. Lenin: Socialism, Narodniks, and World Revolution. Russian History. 2020. no. 2. P. 31-34. DOI 10.31857/S086956870009250-6. (In Russ.). EDN LNIESU.
8. Zyryanov, P. N. Admiral Kolchak, Supreme Ruler of Russia. 4th ed. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2012. 637 p. (In Russ.).
9. Kail, M. V. Dynamics of the Image of Russian Power in the Historical Discourse of the 20th Century. Questions of History. 2022. no. 10-1. P. 62-69. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi16. (In Russ.). EDN TGOTKC.
10. Kail, M. V. The Image and Values of Power in the Memories of Political Leaders of Modern Russia: Sergei Stepashin. Novyi istoricheskii vestnik. 2022. no. 3(73). P. 103-111. DOI 10.54770/20729286-2022-3-103. (In Russ.). EDN JGVFOS.
11. Kolonitsky, B. «Tragic Erotica»: Images of the Imperial Family during the First World War. M.: Novoye Literary Obozreniye, 2010. 664 p. (In Russ.).
12. Kolonitsky, B. I. «Comrade Kerensky»: the anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the «leader of the people» (March – June 1917). Moscow: Novoye Literary Obozreniye, 2017. 520 p. ISBN 978-5-4448-0638-8. (In Russ.). EDN YWPEAD.
13. Kolonitsky, B. I. The cult of A.F. Kerensky: images of revolutionary power. Domestic history. 1999. no. 4. Pp. 105-108. (In Russ.). EDN ZIGVEZ.
14. Liu, C. The History of the Creation of the Picture Books «Lenin in October» and «Lenin in 1918». Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism. 2022. no. 45. P. 149-156. DOI 10.17223/22220836/45/14. (In Russ.). EDN BILSLT.
15. Montefiore, S. Young Stalin / Simon Sebag Montefiore; trans. from English by Lev Oborin. - Moscow: AST: Corpus, 2014. 575 p. (In Russ.).

16. Multatuli, P.V. Emperor Nicholas II. Man and Monarch. Moscow: Veche, 2016. 734 p. (In Russ.).
17. Podoksenov, A. M. Prishvin and Stalin: the artistic image of the leader in the writer's works. Scientific Dialogue. 2021. no. 4. P. 254-270. DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-254-270. (In Russ.). EDN TIRKGQ.
18. Tucker, R. The Path to Power 1879-1929. History and Personality. Moscow: Progress, 1990. 480 p. (In Russ.).
19. Taubman, W. Khrushchev. M.: Molodaya Gvardiya, 2008. 850 p. (In Russ.).
20. Wortman, Richard S. Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy: In 2 volumes / R. S. Wortman; Introduction by the author. – M.: O. G. I., 2004. Vol. 1. 606p.; Vol. 2. (In Russ.).
21. Firsov, S. L. Nicholas II. Prisoner of Autocracy / S. L. Firsov; Sergei Firsov. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 2010. ISBN 978-5-235-03382-5. (In Russ.). EDN OYLWIE.
22. Fishman, M.V. Successor: The History of Boris Nemtsov and the Country Where He Did Not Become President. Moscow: AST, Corpus, 2022. 622 p. (In Russ.).
23. Ennker, B. The Formation of the Cult of Lenin in the Soviet Union / B. Ennker / translated from German by A.G. Gadzhikurbanov; scientific ed. E. Yu. Zubkova. Moscow: ROSSPEN, 2011. 364 p. (In Russ.).
24. Luukkanen, A. Projekti Putin uuden Venäjän historiaa 1996–2008. W. Söderström, 2008. 284 p.
25. Slezkine, Yuri. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution / Y. Slezkine (1st ed.). Princeton, NJ & Oxford, UK: Princeton University Press, 2017. 1004 p.
26. Taubman, W.Ch. Khrushchev: The Man and His Era. W.W. Norton & Company, 2003. 876 p.

Authors:

KAIL Maxim Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor, Smolensk State University, address: 4, Przhevalskogo Street, Smolensk, Russian Federation, 214000, e-mail: mvkail@mail.ru

✉ SPIN-код: 2183-1957, AuthorID: 539196
✉ ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2635-5091>

ROZANOVA Nina Nikolaevna, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Smolensk State University, address: 4, Przhevalskogo Street, Smolensk, Russian Federation, 214000, e-mail: rozznina@yandex.ru

✉ SPIN-код: 3795-3998, AuthorID: 718057
✉ ORCID <https://orcid.org/0000-0001-5029-1721>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли существенный вклад в проведение исследования и написание статьи. Все авторы утвердили окончательный вариант статьи, несут ответственность за целостность всех частей статьи.

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: all authors made an equal contribution to the research and writing of the article. All authors – approval of the final version of the article, responsibility for the integrity of all parts of the article.

© Каиль М.В., Розанова Н.Н., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>